

ИСТОРИОСОФИЯ И НОВЫЙ ПОСТПОЗИТИВИЗМ

Борис Ихлов

*Три категории работников умственного труда — писцы, эксперты и литераторы - развиваются одновременно, а то и с одинаковой скоростью...
Раймон Арон, «Оциум интеллектуалов»*

Введение

Поскольку законопослушные, добропорядочные и благонамеренные индивидуумы обязательно должны быть чем-нибудь заняты, рано или поздно это должно было случиться. К теологам присоединились те, кто описывает, как работают историки.

Действительно, скажем ретроспективно: уж коли есть философия науки, философия физики, философия права, философия реакций агглютинации и философия подкидного дурака, отчего бы не быть и философии истории.

«Ага!» - сказал индивидуум, и к историософам присоединилась армада кинокритиков, музыковедов, искусствоведов, литературоведов и прочих, прочих. Словом, интеллигенция размножается, мысль движется вперед и рано или поздно найдет себе укромный уголок, откуда уже ни у кого никогда не будет совершенно никакой возможности ее выковырять.

Казалось бы, еще вчера предметом жарких споров была модная тема тоталитарного режима. Еще вчера забыты архаичные диктатура пролетариата и, уж, разумеется, диктатура буржуазии. Но индивидуум хочет отличаться от серой массы протестующих. Нет, говорит он. Тоталитарный режим – это лишь эманация трансцендентальной апперцепции, в бытийственной же инсталляции эвдемонизма - не тоталитарный, но *авторитарный* режим! И тут индивидууму и почет, и уважение, и котлета.

Добуржуазный период

Словосочетание «философия истории» ввел в XVIII веке Вольтер. Однако наивный писатель полагал, что историк сам должен не просто описывать политические и военные события, сводя исторический процесс к изложению фактов или к политике, в понимании Вольтера - к деятельности царей и генералов, а философски осмысливать, толковать жизнь общества и в уединении рефлексировать над его бытием.

Представления о цикличности истории, круговороте, содержатся в религиозных мифах, в поздней античности – у Полибия (власть царя переходит в тиранию, которую заменяет аристократия, аристократию вытесняет олигархия, которая уступает место демократии, ведущей к охлократии, наконец, уставшие народы вновь ставят над собой царей). Падение империй отражено в мифах в форме эсхатологии.

Мысль об истории как развития, от звериной стаи к человеческой, находим у Дикеарха, Демокрита, Лукреция Кара.

Согласно Платону (IV в. до н.э.) история человечества – это история наделенных тимосом людей, честолюбцев, рисквавших своей жизнью, в кровавой схватке с теми, кто слаб духом, тимосом не наделен и потому готов стать рабом. Подобно Делягину, Платон основным принципом идеального государства полагал справедливость, е понимая, что каждая общественная страта наполняет это абстрактное понятие собственным содержанием.

Сократ критиковал Анаксагора за попытки объяснять все в мире механическим и причинами, взаимодействием воды, воздуха и пр., и утверждал, что причиной миропорядка является разум.

Аристотель (IV в. до н.э.) в «Политике» указывает, что государство возникло не сразу, но из семьи и из селений как энтелехия. Однако на этом историческое развитие у Аристотеля заканчивается: «... государство существует естественно», государство – «среда счастливой жизни». При этом Аристотель критикует идеальное государств Платона, в котором благо целого не есть благо его частей, различает «правильные и неправильные» типы государств, однако, если Платон видит в частной собственности источник общественного зла, Аристотель является ее апологетом.

Геродот (484-425 гг. до н. э.) представлял историю как набор фактов, поучительных историй, над субъектами истории властвует рок.

Предначертанное судьбой да исполнится, как бы человек этому не противился, говорит Эсхил в трагедии «Эдип». Господь всемогущ, всеведущ, он предопределяет движение всей материи во Вселенной. Господь создал человека таким, какой он есть. Следовательно, весьма логично рассуждает Хайям, именно господь виновен во всех человеческих грехах.

В отличие от Геродота и его религиозных коллег, Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) рассматривал историю как продукт выбора и поступков не богов, а людей, в которых искал все причины и следствия. Описывая историю. Он исследовал причины Пелопоннесской войны между двумя греческими полисами, то есть, он одновременно и философ истории. Точнее – просто историк.

Тем не менее: археология была еще не развита, до крушения рабовладельческого строя оставались века, поэтому об истории как о науке и речи быть не могло.

В 1377 году арабский историк Ибн Хальдун представил историю как цепь политико-демографических циклов.

В XVII веке Кондорсе выдвигает идею о прогрессе человечества как о линейном движении к определённой цели.

Механицисты, Декарт, Ламетри, Гоббс, Дидро, Гельвеций, Гольбах, а также Спиноза дали толчок к пониманию истории как трансформизма, движения без различения высшего и низшего, простого и сложного.

Восторгавшийся Шекспиром богослов И. Г. Гердер попытался создать науку, которая бы не просто описывала бы всю историю человечества, но выступала как философия истории («Идеи к философии истории человечества», 1784 г.).

Но лишь эпоха первых буржуазных революций положила начало научному постижению истории. В XVIII веке вновь возникает идея об историческом движении как о прогрессе, эту идею подкрепляет Великая Французская революция. В России А. И. Герцен отвергает фатализм и телеологическую трактовку истории.

Позитивизм

Пришедший на смену феодальным отношениям капитализм развивает производительные силы, но приводит и к обнищанию масс, что не может не вызвать негативные тенденции в философии истории. В 1844 году основоположник позитивизма и социологии как науки Огюст Конт в труде «Дух позитивной философии» изобразил общество как растущий организм, проходящий в своём развитии три стадии: детства, юношества и зрелости. Не понимая различия между законами общества и законами физики или химии, Конт мечтал создать науку об обществе, которая была бы такой же точной, как естественные науки.

Г. Спенсер, Милль, Шпенглер, в России – В. Лесевич и Н. Михайловский следовали Конту.

По Конту основной фактор развития общества – человеческий разум, три ступени развития общества суть три ступени в развитии разума: теологическая, метафизическая и позитивная. Теологическая ступень еще не имеет объяснений происходящих в мире явлений и использует фантастические образы, религия господствует над разумом. Метафизическая ступень отражает развитие философии – человек объясняет мир через абстрактные конструкции. Позитивная ступень отражает переход разума человека к научному, то есть, по Конту, лишенному философских абстракций типу познания природы.

В. О. Ключевский в «Методологии и терминологии русской истории» к элементам методологии относит пять исторических сил: природу страны, физическую природу человека, личность, общество и «историческое преемство». Каждая из этих сил по его утверждению вносит в общество свой запас элементов, которые являются свойствами и потребностями физической или духовной природы человека, их стремлениями и целями, отношениями между собой. Главным действующим лицом его

истории была не абстрактная «личность» и не «индивид», а общество, еще точнее - «массы». К факторам истории Ключевский относит факторы политические, социальные и экономические. Стержень истории – отношения между обществом и государством. Ключевский отбрасывает анализ «правительственных механизмов», но сосредотачивается на социальном составе управления, исследует историю господствующих классов.

Специфику России Ключевский объясняет огромной территорией: «Область колонизации в России расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней».

Ключевский возражает как славянофильской концепции истории с якобы единством народа с государством, как народнической концепции, согласно которой развитие капитализма не является русским путем, так и марксистской теории борьбы классов.

Ключевский следует позитивистскому представлению о взаимодействии элементов и социальных сил.

Эпоха революций, крушения старых элит вызвала настроения упадка, Шпенглер прорицал закат Европы, Макс Вебер считал бессмысленными попытки поиска исторических закономерностей.

Позитивист Бертран Рассел утверждал: «История - ещё не наука. Её можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний».

Однако позитивизм многолик, иные позитивисты следовали гипотезе Кондорсе о прогрессе. Но, разумеется, в этом движении главную роль они отводили науке, ученым, интеллигенции.

Период перед Второй мировой войной также вызвал крайний кризис в умонастроениях, приведший буквально к психопатологиям. Так, немецкий специалист по древней истории Эдуард Мейер утверждал, что в течение многолетних исследований ему не удалось открыть ни одного исторического закона и он не слышал, чтобы это удалось другим. Немец Карл Ясперс писал в духе агностицизма: «История имеет глубокий смысл. Но он недоступен человеческому пониманию».

Отказ от осмысления истории вызвал к жизни культурно-исторический релятивизм, представленный В. Дильтеем, П. Сорокиным, А. Тойнби, О. Шпенглером. Классовому подходу противопоставляется аксиологический, общественно экономической формации – культура.

Центральным основанием культурно-исторического релятивизма «считается идея аксиологического плюрализма... Вильгельм Дильтей, немецкий историк культуры и философ-идеалист... отказывается от последовательного историцизма, не знающего никаких внеисторических ценностей. Теория о множественности ценностных систем, согласно Дильтею, базируется на «относительности» без исключений исторических явлений. Выдвигаемая им идея аксиологического плюрализма противоречит программе ценностной теории, так как абстрагируется от культурно-исторического контекста.

Представители релятивизма были против увековечивания одной, «подлинной» системы ценностей, выработанной на основе исторического накопления взглядов. Дильтей проводил сравнительные исследования в области метафизических и религиозных доктрин, присущие гуманитарным наукам, и продемонстрировал релятивизм всех исторических взглядов. Согласно его учениям, ценности и нормы не претендуют более на общезначимость в условиях, когда историко-контекстуальный анализ заменил их религиозное и метафизическое обоснование» [1].

Сорокин

Философ пытается вытеснить исторический материализм историософией как философией, изучающей общество в целом. Он назначает многообразие ценностных систем и делит его на три основные, идеационную, чувственную и идеалистическую. Первая - чужда полезности, инструментальности, высшие ценности - бог, душа, истина, благо, красота.

Чувственная система – гедонистские ценности, удовольствие, наслаждение, эвдомонизм (счастье всей жизни), утилитаризм. Идеалистическая система есть синтез первых двух. Западная культура – стремится освободиться от религии, она погибнет, но Сорокин, в отличие от Шпенглера, считает это естественным, обе первые системы не вечны. Ядром возрожденной системы станет религия.

Система Сорокина максимально оторвана от реальности, хотя бы потому, что все культуры являются идеационными и чувственными одновременно, при этом наиболее идеалистические культуры наиболее культурно отсталые. Кроме этого, ценности одного народа и одного времени могут не иметь ценности для другого народа и времени, релятивизм, апеллируя к очевидному факту разницы между ценностями

разных эпох и разных народов, игнорирует 1) становление ценностей в общественном закономерном бытии 2) противоположность ценностей буржуа и рабочего класса.

Шпенглер

Шпенглер в своем подходе развивает концепции книги «Россия и Европа» своего учителя – Н. Я. Данилевского. Исторический материализм заменен культурологией, различные культуры абсолютно разнородны, уникальны и не взаимосвязаны: «...человечество – пустое слово. ...Вместо монолитной картины линейнообразной всемирной истории..., я вижу феномен множества мощных культур... Так каждая из них налагает на свой материал – человечество – свою собственную формулу, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования...». Процесс истории – это картина «вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания культур». За деревьями Шпенглер отказывается видеть лес.

Шпенглер выделяет 8 типов культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую («фаустовскую») и культуру майя. Под культурой понимаются язык, искусство, право, религия, философия, но не культура производства. У каждой культуры не просто другие ценности, но и истины. Культуру якобы разрушает цивилизация, понимаемая как принципы рациональности, рассудочности, расчета и выгоды, поэтому рассудочная Европа погибает.

Общечеловеческой культуры не существует, как и общечеловеческой морали для всех народов.

Шпенглер отрицает очевидную взаимосвязь культур, но точно указывает на довлеющий эгоизм элит в каждом народе.

Ценности по Шпенглеру не могут быть навязаны извне, но данный принцип абстрактен, актуальным он станет лишь в эпоху глобализации.

Так или иначе, Шпенглер отрицает формационный подход и развитие общества как восхождение от низшего к высшему, культуры возникают «с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле», и столь же бесцельно уходят со сцены истории, не оставляя ничего после себя. Социализм же не есть гуманная система, а есть система власти... «благоденствие» в экспансивном смысле... Все остальное самообман».

Тойнби

В середине 30-х Тойнби начал свой 12-томный труд, где описал историю 21 цивилизации и путем сравнения заключил, что цивилизация рождается как ответ конкретного общества на вызов со стороны природы или других обществ. Вызовы – это перенаселение, война и т.п., ответы — социальная реорганизация, технологический прорыв и пр.

Под цивилизацией Тойнби понимает замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религии и формы её организации и территориального признака, степени удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло. Теория явно ориентирована на США, даже не на Испанию, Португалию и Великобританию, замкнутости обществ не существует, религия играет лишь вторичную роль после экономического фактора. Способ производства, культуры производства Тойнби принципиально не рассматривает. В труде «Постижение истории» Тойнби пишет, что цивилизации «расцветали по причине успешной реакции обществ на вызовы под руководством мудрых меньшинств, состоящих из лидеров элиты». То есть, Тойнби придерживается философии кастовости. Помимо всего, СССР, где шла борьба с религией, выпадает из списка цивилизаций, хотя иные современные исследователи стремятся представить СССР именно как цивилизацию по Тойнби. В конце концов, Тойнби насчитал 36 цивилизаций. Характер обществ настолько разнообразен и уникален, что Тойнби отвергает концепцию единства истории в пользу ценностного и культурного плюрализма, то есть, имморализма – задолго до Фейерабенда.

Валлерстайн

В 1974 году в работе «Современная мир-система» Валлерстайн, апеллируя к идеям Ф. Броделя, открыл, что становление мирового рынка связано с неравномерностью экономического развития. То есть, изобрел велосипед, поскольку закон неравномерного развития государств вывел В. И. Ленин.

Бродель же всего лишь повторял древнюю мысль о взаимосвязи обществ, о наличии центра (но не центров) со «сверхгородом»; в XIV веке им была Венеция, затем Фландрия и Англия, затем. Разумеется, Нью-Йорк Бродель делил общества на второстепенные, но развитые, и окраинную периферию, которые связаны меж собой торговыми коммуникациями в едином макроэкономическом пространстве.

У Валлерстайна «миросистема» - территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам.

Мир-системный анализ, или мир-системная теория, будто бы исследует социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, в отличие от предшествующих социологических подходов, в рамках которых теории социальной эволюции якобы рассматривали развитие отдельных обществ, а не их систем.

В 70-е годы мир-системный анализ разрабатывался А. Г. Франком, С. Амином, Дж. Арриги и Т. дус Сантусом.

Так называемый анализ представляет собой следующий набор: минисистемы - это первобытные общества, основанные на отношениях натурального обмена; мир-системы - сложные аграрные общества; мир-экономики - системы обществ, объединённых тесными экономическими связями, выступающими в качестве определённых эволюционирующих единиц, но не объединённых в единое политическое образование. С XVI в. феодальная Европа трансформируется в капиталистическую мир-экономику. Весь современный мир представляет собой одну единственную мир-систему - капиталистическую мировую экономику. Капиталистическая мир-система состоит из ядра (наиболее высокоразвитые страны Запада), полупериферии (в XX веке - социалистические страны) и периферии (Третий мир). История ядра - история борьбы за гегемонию.

Мир-империи характеризуются взиманием налогов (дани) с провинций и захваченных колоний.

Согласно Валлерстайну, все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политическое объединение под властью одного государства. Единственное исключение из этого правила - это средневековая европейская мир-экономика, которая превратилась не в мир-империю, а в современную капиталистическую мир-систему.

То есть. Мир-система, оказывается, не только аграрная, но и капиталистическая. Во-вторых, законы, по которым мини-системы становятся мир-системами, а мир-системы преобразуются в мир-экономики, анализ не определяет. Мир-империи, такие, как, например, Золотая Орда, Римская империя, Португалия, Испания, Великобритания или США, в схеме анализа - вообще вне какой-либо эволюции. Анализ не включает в себя антиколониальные войны, СССР, который опережал США в исследовании космоса, в военном, в культурном отношении, анализ необоснованно относит к полупериферии, и оказывается бессильным объяснить превращение периферийного Китая в «ядро». Данный анализ не объясняет ни распад СССР, ни экономический взлет «периферийной» Японии, ни войну евро и доллара, ни кризис в США.

Дело в том, что мир-системный анализ не является ни теорией, ни анализом, это лишь набор обозначений. Данная конструкция введена исключительно для противостояния марксизму, формационному подходу, истории человечества как истории борьбы классов, то есть, историческому материализму и политэкономии, ее цель - скрыть антагонизм рабочего класса и буржуазии. Марксизм также рассматривает как системы государств, так и метрополии или тенденцию мирового капитала к централизации, что и порождает глобализацию, но ему не требуется для этого каких-либо дополнительных обозначений.

Мир-системный анализ - это всего лишь системное искажение истории. Так, в своей книге «Миросистемный анализ: введение» Валлерстайн пишет: если «традиционные антисистемные движения ставят во главу угла вопросы государственной власти и экономического устройства», то «риторика 1968 г. ... обошла вниманием обе эти темы, сделав основной упор на проблемах расовой и сексуальной дискриминации». Что, разумеется, не соответствует действительности.

«Ленинизм есть мобилизующий ответ на ситуацию отсталости и стыда за свою отстающую страну», - вполне серьезно пишет Валлерстайн в статье «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра». Он отбрасывает факт исторической закономерности революций, сводит ленинизм к призывам Ленина перенести из развитых стран всё самое передовое и, выбросив из ленинизма исторический материализм, объявляет, что «подобная конструкция не годится для стран, находящихся на вершинах мировой геополитической и властной иерархии».

Аналогично действовал и Карл Поппер: вместо критики по существу он обозначил СССР как «закрытое общество», в этом и состояла вся «теория» Поппера.

Не зная марксизма, Валлерстайн объявляет, что в марксизме - якобы «линейный характер социальных процессов».

Во-первых, он обходит стороной ленинский закон неравномерного развития стран. Во-вторых, Валлерстайн игнорирует марксистское положение о регрессе, как об обязательном моменте развития.

Но главное то, что он под «линейностью» он отвергает понимание исторического развития как восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему.

Наряду с мир-системным анализом и в дополнение к «теориям» указанным выше, задачу создания белого шума вокруг марксизма выполняет теория модернизации, появившаяся в 1991 году демографически-структурная теория Джека Голдстоуна, опирающаяся на неомальтузианскую теорию, а также лженаука геополитика, сформулированная фашистом Хаусхофером. Несмотря на то, что положения геополитики не соответствуют истории, само название «геополитика» широко используется в России в академической среде.

В изложении Ю. И. Семёнова эстафетно-стадиальный подход - модифицированный марксистско-формационный подход, однако так или иначе это теория эстафетной передачи факела (светоча) от одних народов к другим, от одного региона к другому и от одной социальной системы к другой. В данном подходе абсолютизируется одна из сторон истории – культурный и научно-технический обмен, при этом игнорируется полное исчезновение или тотальное уничтожение некоторых культур, несмотря на «единство» человечества. Связность человеческих сообществ рассматривается как нечто неизменное по качеству.

Неопозитивизм, постмодернизм отрицают возможность объективной интерпретации истории, наличие в истории закономерностей и существования в ней научной методологии. Поппер отождествлял эти закономерности с фатализмом и провозглашал полную свободу человека в творении истории – что явно не соответствует самой истории.

Вполне адекватный британский историк Эдвард Халлетт Карр утверждал, что на Западе «больше не говорят» об «исторических законах», что само слово «причина» вышло из моды.

Другой стороной идеалистического понимания истории была попытка в XIX-XX вв. свести исторические законы к биологическим. Социодарвинизм опирался на представления Конта и на конструкции Томаса Мальтуса 1798 года, по его мнению, фактором, определяющим развитие человечества, является, из-за неумеренного размножения обязательно случится нехватка продовольствия для всего человечества. Поэтому люди будут вести борьбу за существование так же, как животные, произойдет естественный отбор и выживет сильнейший, как сформулировал Герберт Спенсер: «Это ни более, ни менее как христианское выражение того мирового закона природы, при действии которого только жизнь и могла подняться на ее настоящую высоту, - закона, на основании которого тот, кто не обладает достаточной энергией, чтобы найти себе средства к жизни, обречен на смерть» [2].

Из социодарвинизма родились и расистские социологические исторические теории, с развитием генетики неполноценность низших классов пытались объяснить структурой ДНК.

Разумеется, борьба за ресурсы имеет место, но уравнение Мальтуса, дающее экспоненциальный рост численности населения, неполно, поэтому неверно, более точное уравнение Ферхюльста дает не бесконечный рост, а выход численности населения на плато.

Без сомнения, биологическая сторона человека играет важную роль в социальных процессах.

С другой стороны, Ленин подчеркивал разницу между развитыми и отсталыми нациями, открывший спиральную форму ДНК Крик указал на разницу между геномами белой и черной расы. Однако из факта разницы можно сделать два противоположных вывода. Ленин предлагал преференции отсталым нациям, в некоторых советских спортшколах большее внимание уделялось менее способным, Гитлер же отправлял алкоголиков или инвалидов в печь.

Такие «теории», как объяснение в духе Мальтуса демографической катастрофы в современной России дифференциальным уравнением народонаселения (С. Капица), объяснение истории мира противостоянием кланов Ротшильда и Рокфеллера, а также планами тайного мирового правительства, или клиодинамика (А. Коротаев, А. Малков, Д. Халтурина и др.) с математическими расчетами, сколько калорий потребил Цезарь на завтрак, не стоят рассмотрения.

История как развитие

Вплоть до XIX века историю представляли в духе Геродота, как результат линейного развития по плану, определённого Творцом. Гегель же представил дело так, что воля Творца следует определенной

логике, по этой логике происходит диалектическое развертывание духа, этим развертыванием и является история человечества.

С. М. Соловьёв пишет: «... время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думаний над ними, ибо у нас господствовало философское направление: Гегель вскружил всем головы». Гегель не рефлексировал над историей, он наметил в ней закономерности. То есть, те объективные связи в природе общества, которые не зависят от сознания индивидов: «Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они (сами, Б. И.) достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают» [3].

«Иные пытаются, обрисовывает Гегель понимание исторической закономерности, «возможность объяснить случайностями, неловкостями, а, главным образом, легкомыслием и злыми страстями людей изменения, перевороты и разрушения...» [4].

Гегель и современные ему немецкие философы представили историю как субстанцию: «... по определению субстанция есть нечто самодостаточное, т.е. не нуждающееся для своего существования ни в чем ином, ничем не обусловленное и ни с чем не взаимодействующее, само себя определяющее, а также самотождественное, неизменное» [5].

История человечества по Гегелю является диалектическим развитием, однако, когда речь заходит о власти, Гегель забывает о диалектике, государство для него незыблемо. Как Кёльнский собор.

Материалисты убрали из гегелевской модели лишнее: «Первой основной задачей материализма, поднявшегося над уровнем примитивных натуралистических концепций, является выявление собственных законов истории. Ясно, что материализм обязывает искать их не в сознании общества (или индивида), но теперь уже и не в природе. В обществе надо было выявить и найти сферу отношений, которая формируется людьми, но не зависит от их воли и сознания, специфические качества которой не только не определяются сознанием, но сами определяют его, ибо только на базе объективной реальности возможно существование объективных и в то же время специфических. Выявление такой реальности есть логическая предпосылка познания объективных законов истории» [6].

Как формулировал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда» [7].

История человечества для Гегеля есть развертывание духа во времени. Тем не менее, основа, сущность истории по Гегелю – сознательная деятельность воспроизводящих себя в труде индивидов. Конечно с оговоркой, что индивид есть проявление духа народа, а дух народа – проявление мирового духа, и главную роль в общественных изменениях играет класс героев-воинов, победителей, тимотических людей, которых обслуживает класс «побежденных», класс занятых физическим трудом.

Но даже идеалист Гегель резко критикует романтическое обожествление героев, вождей, государственных личностей (Ленин в адрес «романтиков» выражается следующим образом: холуй, холоп, хам).

В числе закономерностей истории Гегель вписывает борьбу внутри общества и между обществами. Дух преодолевает самого себя, постоянно ведя борьбу против самого себя. Гегель вскрывает в истории диалектические законы: отрицание отрицания, поступательное движение. Таким образом, Гегель кладет в основу истории развитие, прогресс общества.

Нужно отметить момент, который следует из диалектики Гегеля, но самим Гегелем упущенный – развитие не есть только поступательное движение вверх по спирали, но и регресс как момент прогресса, которому соответствуют, например, Темные века или цивилизация после 1991 года.

Гегелевскую концепцию мировой истории А. Чешковский назвал историософией, введя термин в научный оборот в своей докторской диссертации «Пролегомена к историософии» (Берлин, 1838).

Всемирную историю Гегель представляет не как смену общественно-исторических формаций, а как смену народных духов.

Таким образом, Гегель удваивает сущности, удваивает мир, дополняя его зеркальным миром духов.

Диалектика у Гегеля обрывается на оценке прусской монархии, которую Гегель считает завершением развития духа, наивысшей точкой.

Весьма куцее понимание историософии Гегеля представлено, напр., в статье Гобозова [8]. Маркс и Энгельс отбрасывают двойной несуществующий мир, заменяя историю героических государственных личностей историей борьбы классов, разграниченных не наличием тимоса, а вследствие общественного разделения труда.

Перед мировой войной

«В конце XIX - начале XX в., - отмечает Русакова, - гегелевский классический тип философии истории стал предметом критики со стороны неокантианства, позитивизма, «философии жизни». Значительную роль в критике гегелевской историософии сыграла так называемая критическая философия истории, идейными лидерами которой были Г. Зиммель, Г. Риккерт, В. Дильтей. Критическая философия истории отстаивала новый тип философии истории, свободной от онтологизма и априорных метафизических абстракций, от претензий на постижение объективных смыслов исторического бытия» [9].

«Современная философия истории, пишет Арон, - начинается с отказа от гегельянства. Идеал уже не в том, чтобы с ходу определить смысл становления человечества, и философ больше не считает себя хранителем секретов провидения. Подобно тому как «Критика чистого разума» не позволяла духу приблизиться к истине интеллигибельного мира, критическая философия истории отказывается от того, чтобы познать конечный смысл эволюции. Анализ исторического познания относится к истории так, как кантовская критика относится к догматической метафизике» [10].

Отказ от гегельянства происходит задолго до «современной» философии.

«Наши теории 40-х годов, - писал государственный К. Д. Кавелин, - исходили из общих начал, взятых извне, из идеалистической немецкой философии или из фактов западноевропейской политической и общественной жизни, поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни». Вследствие этого в трудах государственных более позднего времени наметился отказ от «предвзятых общих идей», что в русле данного направления фактически означало переход к неокантианской критике гегелевской философии, позитивизму.

Однако Арон совершает подтасовку: критическая философия истории восстает не против Гегеля, но против исторического материализма.

Раймон Арон, основоположник критической философии истории и будто бы критик ее позитивистской интерпретации, пишет о «философии исторического релятивизма, которая получила свое развитие в начале века, особенно после войны, и последовала за периодом, посвященным анализу науки... Эволюционизм стал историзмом в тот день, когда две ценности, на которых базировалась вера XIX в. - положительная наука и демократия, т.е. в сущности рационализм, - потеряли свой престиж и авторитет. Иррационализм привел к пессимизму: история не имеет цели, поскольку человек не имеет предназначения и, будучи всегда похожим на самого себя, напрасно создает недолговечные произведения. В свою очередь эта аргументация выражает положение или ситуацию. Немецкий профессор с претензиями на аристократизм (биологический или духовный) испытывает отвращение к нашим массовым цивилизациям, к индустриализму, ко всем формам социализма... релятивизм всегда связывается с определенной метафизикой. В учении Трельча становление есть прогрессивное раскрытие сквозь время недоступного Бога. Согласно Шелеру, релятивность, к тому же преодоленная вечно действительной иерархией ценностей, выражает необходимое сотрудничество индивидуальных или сверхиндивидуальных личностей; мир сущностей фрагментарно показывается каждой личности, откуда - необходимость временного рассеивания образов жизни и мысли, чтобы исчерпать интеллигибельный мир. Манхейм представляет себе как некий абсолют историческую тотальность, одновременно являющуюся реальной и многозначительной, как чистый рок, не имеющий ни провиденциального, ни демократического характера. Для французских социологов общества представляют собой принцип и первопричину изменений, а также моральные императивы, поскольку они путаются с социальными императивами, остаются действительными вопреки или из-за своего разнообразия. Релятивизм не признает ни аккумуляции истин, ни прогресса, он признает всего-навсего диалектику без цели.

Философию становления (а не эволюции) он сводит к анархии ценностей, даже если не уничтожает самостоятельность человеческих творений...» [11]

Кроме междометия о рациональности демократии - казалось бы, верная, уничтожающая критика. Но далее либерал, убежденный антикоммунист Арон фактически присоединяется к релятивизму: «Проблема была поставлена двумя рядами работ, двумя группами фактов. Исследования первобытного мышления показали, в какой степени манера мыслить, способы объяснения подвержены изменениям. С другой стороны, социология или история культур показали плюралистичность представлений о мире, концептуальных возможностей, самих формальных категорий. В этом смысле сегодня каждый признает особенность китайского мышления, индийского мышления».

Вслед за Ароном то же самое повторит Пол Фейерабенд.

«... профессиональному интеллектуалу трудно не принять демократию *de jure*, хотя делая это, он может еще сильнее провозглашать аристократизм *de facto*: его мысль доступна только меньшинству», - пишет Арон в 1955 году в книге «Опиум интеллектуалов». История как борьба классов отброшена, демиург истории – интеллигент, мысль стара настолько, что успела заплесневеть.

Неопозитивизм

Позитивизм возник как реакция на не столько кризис в науке, сколько на кризис капитализма. Дюгем, Гельгольц, Герц, Мах, Оствальд, Пирсон, Пуанкаре, Ферворн – выдающиеся ученые, однако. «*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*», - пишет Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Разорванное сознание – характерно для разорванного иерархией общества. Религиозный физик способен делать научные открытия в русле диалектико-материалистической культуры, не прибегая к версии бога. Но как только он сталкивается в физике с чем-то необъяснимым, диалектико-материалистический метод отбрасывается.

В письме от 10.12.1692 редактору Тринити колледжа Кембридже Ричарду Бантли Ньютон рассуждает о моделях Вселенной, о том, как могли бы образоваться Солнце и другие звезды. «Но каким бы образом вещество могло бы разделиться на две части, и та, что годится на это, слилась в светящееся тело, тогда как другая осталась темной или превратилась в темную, когда первая оставалась неизменной – это уже, на мой взгляд, нельзя объяснить одними только естественными причинами, и я должен приписать это мысли и деянию исполненного волей Творца» [12].

В противоположность данному типу мышления диалектико-материалистический метод обращает на дальнейшее изучение природы, вопрос, поставленный Ньютоном, разрешается после создания ядерной физики, специальной теории относительности и квантовой механики.

Ленин указывает, что в силу общественной иерархии ученые ангажированы правящим классом. Ленин лишь упускает из виду, что социальной базой позитивизма является не только общественная иерархия, но социальный разрыв, общественное разделение труда, порождающее противоречие между абстрактным и конкретным содержанием труда, в упрощенной формулировке - противоречие между умственным и физическим трудом.

Причем ликвидация классов означает ликвидацию не только буржуазии, но и рабочего класса, то есть, исчезновение обезличивающего труда, во-вторых - преобразование труда более свободной, чем рабочий класс, интеллигенции.

Философия возникает каждый раз, когда та или иная наука внутри себя отрицает самоё себя, делая шаг к новому знанию. Философия возникает вне данной науки каждый раз, когда новая наука возникает на стыке наук.

Значит ли это, что в философии вообще нет самостоятельного содержания, отличного от совокупности наук, не исчезнет ли философия, когда будет преодолен разрыв между науками?

Ленин предупреждает, что специализация труда, следовательно, и научная специализация, никогда не исчезнет, наоборот, будет углубляться. Поэтому философия в данном смысле не исчезнет.

В то же время философия, основанная на совокупности наук, пользуется собственным категориальным аппаратом, то есть, находится на операциональном уровне и имеет прогностическую ценность. Однако экзальтация этой ценности, как это мы видели в СССР, а ныне на многочисленных примерах буржуазной философии, превращает философию в схоластику, в переливание из пустого в порожнее, в примитивную агитацию.

Позитивизм - идущее от стоиков и Канта философское учение, определяющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические и теоретические естественнонаучные исследования и отрицающее познавательную ценность философии.

Немецкий позитивизм отличался от контовского, его поименовали вторым позитивизмом или эмпириокритицизмом, его представители – Мах, Авенариус, в России – большевик А. Богданов (эмпириомонист), в США – прагматик Ч. Пирс.

Позитивизм был подвергнут уничтожающей критике в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В конце 20-х годов возникает неопозитивизм (М. Шлик, О. Нейрат, Б. Рассел, Д. Мур, Л. Витгенштейн и др.), после войны его представители эмигрировали, неопозитивизм прекратил существовать как философское течение.

В социальном плане позитивизм стал защитной реакцией и на эпоху революций, и на удар, нанесенного церкви наукой, как часть сциентизма, представляющего научное знание наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека с миром. То есть, общественная иерархия продуцировала экзальтацию естественнонаучного мировоззрения, что привело обратно к идеализму.

Гносеологическими корнями позитивизма стали новейшие открытия в физике, приведшие к слому прежний механистических представлений о природе.

Энгельс отмечал, что с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму (см. [13]).

До 1991 года в советской философии утверждалось, что ученые в капиталистических странах способны делать великие открытия потому, что являются стихийными материалистами. Материализм же предполагает диалектику. Ильенков отметил, что ученые – в то же время стихийные диалектики, поскольку логика науки отражает часть природы, потому она есть часть диалектики. Тем самым ученые, сочетая стихийные материализм и стихийную диалектику, согласно советской официальной философии, превращаются в марксистов.

Огюст Конт так и утверждал: наука – сама по себе философия.

Разумеется, в своих исследованиях ученые действуют как диалектические материалисты. Но это не означает, что в социальном плане они обязаны быть марксистами. Таким образом, перед ними проблема, как увязать свой социальный идеализм с методологией мышления, которую генерируют их собственные научные исследования.

Можно сказать, что позитивизм большинства советских ученых стал реакцией на расширительную трактовку функций философии со времен правления Сталина, который объявил генетику лженаукой, несовместимой с диалектическим материализмом.

С другой стороны, такие области физики, как квантовая механика или общая теория относительности подвергаются такой интерпретации, чтобы удовлетворить идеалистическим установкам, что, казалось бы, ведет к дуализму, однако в поздних вариациях попросту отрицает объективность науки, трактуя ее положения в духе солипсизма.

Таким образом, наука (или ее проблемы) превращается, по заветам Фомы Аквинского, лишь в подспорье в доказывании существования бога.

После Второй мировой войны возникает неопозитивизм (постпозитивизм), его представляют Томас Кун, Имре Лакатос, Майкл Полани, Карл Поппер, Стивен Тулмин, Пол Фейерабенд. Например, Поппер – ярый противник СССР, Фейерабенд – перелагает марксизм в анархизм, социальная ангажированность данного течения очевидна.

Ленин

Фаллибилизм и Пьер Дюгем

Чтобы отчетливее увидеть, что есть неопозитивизм, необходимо вспомнить ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин указывает, что в основе эмпириокритицизма лежит софизм, подмена содержания понятий.

Человек познает природу с помощью органов чувств, - рассуждают эмпириокритики, следовательно, мы знаем только свои чувства и не можем прорваться за пределы своих чувств непосредственно к природе. Ленин указывает, что в первой части суждения под словом «чувства» понимается связь между человеком и природой, во второй части это содержание отбрасывается и заменяется на значение «перегородка между миром и человеком».

Однако если можно было бы опровергнуть идеализм путем вербальных доказательств, он давно был бы опровергнут навсегда. Но идеализм возникает всяких раз с каждым новым открытием в науке, с каждой новой социальной революцией.

Неопозитивисты отнести воззрения Ленина к фаллибилизму, причем совершенно напрасно. Фаллибилизм (подверженный ошибкам, погрешимый) - направление постпозитивизма, согласно которому любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая последующую замену на лучшую интерпретацию. Принцип фаллибилизма пересекается с принципом толерантности Поппера. Понятие «фаллибилизм» было разработано Ч. С. Пирсом, который утверждал, что в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, есть точка в континууме недостоверности и неопределённости: «Абсолютная непогрешимость может быть присуща лишь папе римскому и экономическим советникам, но я совершенно уверен, что она не присуща таблице умножения».

На самом деле термин «фаллибилизм» - исключительно служебный, он призван подменить собой материалистическое понимание диалектики относительной и абсолютной истин.

К. Поппер, И. Лакатос и П. Фейерабенд считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма из-за его якобы интерпретации идей П. Дюгема.

Во-первых, у Дюгема нет никаких идей, а есть недомыслие. Во-вторых, Ленин в данной книге вовсе не интерпретирует «идеи» Дюгема, он от них (за исключением тривиальностей) камня на камне не оставляет: «Такие сочинения, как «Теория физики» П. Дюгема или «Понятия и теории современной физики» Сталло, которые особенно рекомендует Мах, показывают чрезвычайно наглядно, что всего больше значения придают эти «физические» идеалисты именно доказательству относительности наших знаний, колеблясь, в сущности, между идеализмом и диалектическим материализмом. Оба автора... воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, закостенелость многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток *старого* материализма несомненен; непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механической точки зрения, — за это упрекал прежних материалистов Энгельс. Но Энгельс сумел (в отличие от Сталло) выбросить гегелевский идеализм *и понятие* гениально истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого, метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм.

«Механическая теория, — говорит, напр., Сталло, — вместе со всеми метафизическими теориями гипостазировать частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды объективной реальности» (р. 150). Это верно, если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности и воюете с метафизикой, как антидиалектикой... То же самое Дюгем. С громадной затратой труда... доказывает он, что «всякий закон физики есть временный и относительный, потому что он приблизителен» (280). И ломится же человек в открытую дверь! - думает марксист... Но в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре, что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят. Не умея дать правильной формулировки релятивизма, они катятся от него к идеализму. «Закон физики, собственно говоря, не истинен и не ложен, а приблизителен», - пишет Дюгем (р. 274). В этом «а» есть уже начало фальши, начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т.е. приближающейся к объективной

истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры. Эта фальшь доходит у Дюгема до объявления вопроса о том, соответствует ли чувственным явлениям «материальная реальность», *метафизикой* (р. 10): долой вопрос о реальности; наши понятия и гипотезы — простые символы (*signes*, р. 26), «произвольные» (27) построения и т.п. Отсюда один шаг до идеализма, до «физики верующего», каковую г. Петр Дюгем в духе кантианства и проповедует (у Рея, р. 162; ср. р. 160). А добряк Адлер (Фриц) — тоже махист, желающий быть марксистом! — не нашел ничего умнее, как «поправлять» Дюгема следующим образом: он-де устраняет «реальности, скрытые за явлениями, только как объекты теории, а не как *объекты действительности*».[282] Это уже знакомая нам критика кантианства с точки зрения Юма и Беркли. Но ни о каком сознательном кантианстве у П. Дюгема не может быть и речи. Он просто *шатается*, как и Мах, не зная, на что опереть ему свой релятивизм. В целом ряде мест он вплотную подходит к диалектическому материализму. Мы знаем звук, «как он существует по отношению к нам, а не таким, каков он сам по себе, в телах, порождающих звук. Эту реальность, из которой наши ощущения открывают только внешнее и поверхностное, дают нам возможность познать теории акустики. Они говорят нам, что там, где наши восприятия схватывают только ту кажимость, которую мы называем звуком, реально существует движение периодическое, миниатюрное, очень быстрое» и т.д. (р. 7). Не тела суть символы ощущений, а ощущения — символы (вернее, образы) тел. «Развитие физики вызывает постоянную борьбу между природой, которая не устает давать материал, и разумом, который не устает познавать» (р. 32) — природа бесконечна, как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе), но разум так же бесконечно превращает «вещи в себе» в «вещи для нас».

Для Ленина истина — не суждение, а противоречивый процесс, которым содержание знания не зависит от субъекта. Познание же есть восхождение относительных истин к абсолютной. Абсолютная истина не существует, но в то же время существует через относительные истины.

«... Человеческое мышление, — пишет Ленин, — по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [14]. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, — пишет он далее, — состоит в следующем: идя по пути марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [там же, стр. 146].

Таким образом, Лакатос, Поппер, Фейерабенд просто неграмотны.

Кризис в физике в начале XX века

В конце XIX — начале XX века в естествознании началась революция: были открыты рентгеновские лучи (1895), явление радиоактивности (1896), электрон (1897), при изучении свойств которого обнаружили изменчивость его массы в зависимости от скорости, радий (1898), независимость скорости света от скорости движения источника света (опыт Майкельсона — Морли), радио (Герц, Попов и др.), излучение черного тела и т. д. В шаге от этих открытий были планетарная модель атома Резерфорда, теория относительности, квантовая механика.

Под влияние эмпириокритицизма попали некоторые видные ученые, А. Пуанкаре, А. Эйнштейн испытали на себе влияние эмпириокритицизма. Один из лидеров германской социал-демократии К. Каутский, австрийский социал-демократ Ф. Адлер, в России эсеры В. В. Лесевич и В. М. Чернов и др., меньшевик Н. Валентинов (позднее ставший антикоммунистом), П. С. Юшкевич, большевики А. Богданов, В. Базаров, А. В. Луначарский считали возможным «дополнить» марксизм махистской гносеологией. Луначарский предлагал объединить научный социализм с религией («богостроительство»), считая, что в религиозной форме социализм будет «ближе и понятнее» русскому народу.

В 1908 году была опубликована совместная книга Базарова, Бермана, Богданова, Гельфанда, Луначарского, Суворова, Юшкевича «Очерки по философии марксизма». Плеханов подверг книгу критике, Ленин назвал ее «Очерками против философии марксизма».

Возможность идеалистического истолкования научных открытий содержится в самом процессе познания, порождается прогрессом науки. Идеализм – обязательная черта познания, отражающая субъективность восприятия, изначально восприятие всегда искажает действительность, тогда как махист Богданов доказывал абсолютное тождество сознания и бытия.

Современные лженауки восходят к теории энергетизма В. Оствальда, который неверно понял закон сохранения и превращения энергии. Оствальд утверждал, что материя «исчезает» и превращается в энергию. Физики заговорили об «исчезновении» материи, принялись доказывать «несостоятельность» материализма, отрицать объективность науки, сводить цель теории – к моделям, не имеющим отношения к реальности. Махисты подменили законы истории «социальной энергетикой», биологическими и даже физическими закономерностями.

Хотя еще в 1899 году Лебедев доказал существование светового давления, а в 1900 г. Планк выдвинул идею кванта света. То есть, материя переходит из одной формы в другую, нет никаких «энергетических частиц» или энергии в чистом виде, без материального носителя.

Гораздо менее тривиально выглядит попытка подменить материю геометрией, когда в модельной задаче решения уравнений Эйнштейна полагают массу (тензор энергии импульса) равной нулю. Уравнения дают в виде решения пустое пространство Минковского. С другой стороны, в модели Хиггса частицы изначально не обладают массой покоя (инертной), она приобретает лишь при взаимодействии с полем Хиггса.

Не масса исчезает, а наше грубое представление о ней, не детерминизм исчезает, а наше механистическое представление о нем.

Не уравнения Эйнштейна сообщают о возможности существования формы без материи, а наличие решения без материи указывает на ограниченность уравнений Эйнштейна.

«Кризис физики, - писал Ленин, - состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» [там же, стр. 272-273].

Ленин подвергает критике и агностическую теорию символов, или иероглифов, согласно которой ощущения являются лишь условными знаками, а не изображениями реальных вещей.

Что же пишет о книге Ленина Поппер? Он восторгается книгой потому, что она написана «просто». Это всё, что смог уяснить из книги великий философ XX века.

Возникает закономерный вопрос об интеллектуальном уровне Поппера, Фейерабенда, Лакатоса.

Ильенков пишет: «С некоторых пор они стали всерьез верить в то, что все написанное на эту тему Марксом и Энгельсом представляет собою «семантически-неточное» выражение их собственной философии. Все высказывания Маркса и Энгельса «устарели»-де, потому что они выражены на устаревшем языке, в лексиконе той философской традиции, в атмосфере которой формировалось в молодости их мышление. Все это-де просто-напросто словесный сор в их наследии — «словесные побрякушки» гегелевско-фейербахианского пустословия, и не больше. Так они пишут и про «материю» и про «противоречие». От всего этого словесного сора нужно поэтому «подлинную» философию Маркса и Энгельса очистить, а ее «рациональное зерно» изложить на языке современной науки — в терминологии Маха, Оствальда, Пирсона, Пуанкаре и других корифеев современного естествознания. Ленин издевается над пристрастием позитивистов к изобретению «новых словечек» — всех этих «интроекций» и «принципиальных координаций», «трансцензусов» и «эмпириосимволов», «ноталов», «секуралов» и «фиденциалов». Тогда эта манера только еще входила (вернее, вводилась) в моду, но Ленин посчитал необходимым специально с нею разделаться. Он показал, что единственный ее смысл в том, чтобы придать тривиальным идеалистическим пошлостям вид глубокомыслия и «научности». Над этим не грех бы задуматься тем нынешним авторам, которые настойчиво стараются «обогащать» лексикон диалектико-материалистической теории познания и логики плодами философского словоблудия Карнапа и Айера, Шлика и Поппера, — «концептами» и «денотатами», «экстенционалами» и «экспанандумами», «эпистемологическими постулатами» и прочими «парадигмами», — да еще и мечтают в свете (а лучше сказать, в темноте) подобных «прецизно-верифицированных концептов» уточнить теоретические определения понятий материалистической диалектики, ее категорий, сделать их «более эффективными и эвристичными». Хороша была бы диалектика, изложенная с помощью этой

нелепой смеси англизированной латыни с верхнебаварским и нижегородским!..» Они «производят уже не научные знания, а лишь псевдонаучные абстракции, которые и выдаются за философские обобщения».

Ошибки Ленина

Ленин, как было сказано выше, легко расправляется с логической посылкой позитивизма, заимствованной у Юма, если мы воспринимаем мир с помощью наших чувств, то мы не можем утверждать, что мир существует, т.к. мы не можем вырваться за пределы наших чувств.

Ленин отмечает софизм, подмену содержания понятия.

Ильенков предельно просто поясняет, на какие ошибки позитивистов указывает Ленин:

«Философия» же в ее махистско-богдановском варианте... нацеливает мышление человека на сочинение «предельных абстракций», в «нейтральном» лоне коих гаснут все различия, все противоположности, все противоречия. И в материи, и в сознании, и в отношении между материей и сознанием. И это — прямое следствие идеализма ее гносеологических аксиом. Ведь и «элементы мира», и тектологические «структуры организации», и «логические каркасы», и «абстрактные объекты», «системы вообще», и «бог», и «абсолютный дух» — все это лишь разные псевдонимы, скрывающие одно и то же — идеалистически-мистифицированное сознание человека. Главное звено всей стратегии похода махистов против философии марксизма составляла попытка рассечь живое единство материалистической диалектики как теории развития и как теории познания и логики, сначала обособить «онтологию» от «гносеологии», а затем и противопоставить их друг другу, умертвив тем самым существо диалектики как философской науки. Расчет здесь был прост: при таком рассечении материалистическое миропонимание легче всего было отождествить с какой-либо конкретной и исторически ограниченной естественнонаучной «картиной мира», с «физическим», и приписать на этой основе всему материализму пороки и просчеты этой «онтологии». С другой стороны, ту же операцию можно было бы проделать и с материалистической «гносеологией», отождествив ее с какой-либо новейшей естественнонаучной концепцией «психического». Отождествление философии с обобщенной сводкой научных данных как раз и позволяло изобразить дело так, будто естествознание само по себе рождает идеализм. Уничтожить своеобразие философии, ее подхода к явлениям, ее системы понятий — это и значило приписать идеализм самому естествознанию» («Материализм воинствующий – значит диалектический»).

Но повторим: если бы можно было расправиться с идеализмом логически, его давно бы не существовало. Как говорил Энгельс: «Чтобы победить идею частной собственности, достаточно идеи коммунизма. Чтобы победить саму частную собственность, необходимо коммунистическое действие». То же самое Ленин говорил о религии: любая логика, противопоставленная теологии, окажется бессильной в отсутствии революционного движения.

В то же время в книге Ленина есть откровенно слабые моменты.

Богданова критиковали все советские философы, Ильенков даже договорился до того, что экономике страны влиянием богдановской «теории равновесия» был нанесен вред. Как могла нанести вред тектология, разработанная Богдановым, неизвестно. Богданов лишь пытался распространить принцип Ле Шателье на общество, в какой-то мере он прав, когда мы видим, как резкое усиление процесса глобализации после распада СССР вызывает противодействие стран разрушению государственных границ путем усиления протекционистских мер и т.д.

В своем ответе Ленину в книге «Вера и наука» Богданов путает, он приписывает Ленину понимание абсолютной истины в духе Гегеля – Шеллинга – Бердяева, хотя Ленин имел в виду соответствие относительной истины природе, только в этом смысле относительная, приближенная истина — абсолютна. Так что Богданов явно неверно отождествляет философию Ленина с религией.

Но Богданов точно улавливает непонимание Ленина не идеализма, а религии, незнание ее истории. Богданов объясняет, что есть религия: это отражение в общественном сознании общественной иерархии.

Что же ошибочно в книге Ленина?

1) Например, Юм не отрицал существование реального мира. Он просто не хотел видеть достаточных этому доказательств. На самом деле вопрос об органах чувств, поставленный Юмом и Беркли, не так прост.

Ленин говорит об объективной реальности, но оставляет в стороне реальность субъективную.

Отпечаток монеты на воске – лишь ее образ, он идеален, поскольку не имеет ни веса, ни запаха, но его оформленный носитель не менее материален, чем сама монета. В сознании взаимодействуют не мифические информационные сгустки, но именно материальные носители образов, путем нервных импульсов.

Речь идет о невозможности выйти за круг этих материальных взаимодействий. Поскольку человек – это открытая система, вопрос о соответствии логики этих взаимодействий логике внешнего мира решен в рамках марксизма. Но у человека есть то, что не принадлежит внешнему миру, даже если во внешний мир включить то, что исходит от человеческого организма. Например, человеческое «я». Логика взаимодействий этих «внутренних» «оттисков» описывается литературой, в целом культурой. Нетрудно научиться отличать сон от яви, но в целом вопрос о соответствии «оттисков» внешнему миру становится далеко не тривиальным. Например, когда речь идет о подверженности манипуляции массового сознания вследствие маргинализации населения, о состояниях белой горячки, наркотическом, гипнотическом, зомбированном или о состоянии измененного сознания, а также о нарушениях памяти, в частности, о ложных воспоминаниях.

Новый постпозитивизм

Казалось бы, высоко оцененные труды Марксом и Энгельсом труды Николая Кареева, примитив Данилевского, Бердяева, левого либерала Вениамина Хвостова, Николая Кареева, прислуживавшего Гитлеру Ильина, построения противников марксизма Ключевского, Льва Карсавина или Константина Леонтьева навсегда вытеснены схоластикой эрзац-марксизма сталинского и послесталинского СССР. Однако в виду неотвратимости метаболизма и воспроизводства живой материи их дело продолжили новые интенсивно делящиеся колонии микроорганизмов.

Советских историософов можно типизировать на три штамма: не перестроившиеся, перестроившиеся и поздние (после 1991 года).

К первому штамму можно отнести историка В. С. Лельчука, его книга 1961 года «Там, где начинается коммунизм: КПСС - организатор и руководитель всенародного движения за коммунистический труд» точно характеризует его образовательный уровень. Можно было бы добавить военного историка В. Д. Поликарпова, уровень его выше, но он горячо приветствовал перестройку.

К перестроившимся относится Петр Гречко – ему принадлежат идеи о практико-теоретической континуальности социальной реальности, о неизбежности обращения критериальной задачи практики в форму и ход доказательства объективных истин познания, о естественной взаимосвязи практики как социальной нормы с природой или базовыми потребностями человека, об архетипной роли равенства в историческом бытии справедливости, об эксплуатации как социальной утилизации естественного неравенства людей, о мета-паттернах исторического процесса и концептуальных моделях науки истории, о плюрализме как новой социальной парадигме, идущей на смену коллективизму и индивидуализму, об основаниях и будущих возможностях кросс-культурных взаимодействий, о пирамиде правильно понятых интересов как функциональном аналоге гражданского общества, о гуманистических и социально-оптимистических импликациях постмодернистского дискурса... За наукообразием у Гречко нетрудно различить стандартную примитивную буржуазную идеологию. В противовес пятичленной схеме смены формаций И. М. Дьяконов бездоказательно отвергает рабовладение и феодализм, произвольно дополняет стадии развития общества до восьми, введя, ко всему, еще и посткапиталистическую стадию.

Александр Ивин, сторонник аксиологического подхода в истории. Акоп Назаретян, тяготеющий к Тойнби и Валлерстайну. Александр Панарин, из либерального диссидента советских времён перестроившийся в русского религиозного националиста. Эльгиз Поздняков, считает лженауку Хаусхофера геополитику наукой. Анатолий Ракитов, советник Ельцина, это точная характеристика его «научных» достижений. Евгений Рашковский, написавший книгу «Православные праздники». Вадим Яковлев, поборник плюрализма. Николай Розов, стажировался в Центре Фернана Броделя под руководством Валлерстайна.

Поздние: Леонид Гринин, А. Коротаев, А. И. Филюшкин и пр., труды которых не стоят рассмотрения.

Дискурс прошлого постпозитивизма был продолжен в переложении на российскую действительность, он в жесткой форме противопоставлен марксизму-ленинизму и базируется на конструировании исторических мифов. Рупором исторических упражнений Валлерстайна, Аттали, Фукуямы, Хантингтона и пр. является плагиатор Фурсов, будто бы с противоположных позиций выступают Игорь Пыхалов, Александр Колпакиди и Елена Прудникова, с третьей позиции трактует историю Эдвард Радзинский, с четвертой – Александр Пыжиков, до них извращением истории занимались Александр Бушков и два перебежчика, Григорий Климов, сотрудник ЦРУ, и Владимир Резун (Суворов).

Основные направления новой мифологии – либеральная и сталинистская. К первой относятся мифы об уничтожении поляков сотрудниками НКВД в Катинском лесу (собственно, это старый миф Геббельса), немецкие деньги для Ленина и т.п., в основном, ее истоки – старые мифы западной пропаганды, писания Авторханова, Бажанова, Антонова-Овсеенко, Солоневича, Конквеста и т.п. Ко второй относятся мифы о руководстве Сталиным Октябрьской революции, Красной Армии в Гражданскую, «десять сталинских ударов», в Отечественную, реабилитация жертв сталинских репрессий и пр. К ним добавляется целый ворох учений: учение Сулакшина, учение о лунном заговоре, учение о мировой запрограммированности и тайном мировом правительстве, как правило, сионистском, и т.п.

Ранее историки извращали отдельные факты, цифры, как, например, французские историки занижали численность французских войск в битвах при Бородино или на Березине и увеличивали численность русских войск, немецкие историки делали то же самое в отношении Ржевской операции, битвы под Прохоровкой и т.д.

Современные историософы оперируют огромными массивами данных, подменяя уже не цифры, а причины исторических явлений.

Такие закономерности исторического процесса как бунты, восстания, революции выдаются за происки спецслужб, с другой стороны, организация спецслужбами переворотов, оплаченных массовых действий – выдаются за революции, народные протесты.

История - наука с объективными, не зависящими от сознания индивидуума, законами. Эти законы реализуются, как отмечал Энгельс через волю людей, но объективны.

Очевидна разница между общественными и естественнонаучными законами, в истории нет фатализма классической механики, но, как выяснилось в 80-е, его нет и в классической механике, не говоря уже о квантовой механике. Есть и существенное отличие вариативности естественнонаучных и общественных законов. Последние меняются от эпохи к эпохе, их смена – явно волевой акт масс, роль лидеров сводится к следованию логике этой замены, но внутри эпохи общественные законы довлеют над волей людей.

Разница между идеализмом и материализмом в том, что идеализм в изменении закономерностей экзальтирует деятельность царей, военачальников, президентов, генеральных секретарей, исторический материализм ставит во главу угла борьбу классов, то есть, «усредненное» классовое (т.е. единое) сознание, которое, в свою очередь, определяется классовым (усредненным) бытием.

Прежний исторический позитивизм (релятивизм) объявляет законы истории зависящими от субъекта. Новый постпозитивизм частично сохраняет релятивизм, объявляя историю историей элит, в чем он тождественен сталинизму. В то же время он выстраивает и якобы закономерности истории, не зависящие от сознания людей, но эти закономерности, захватывая частные факты, ничего общего с реальностью не имеют.

«Философия истории, - пишет Ленин, - дает очень и очень мало – это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел...» [15].

Зато много дала самим историософам!

Современная философия истории – не история и не философия, это орудие в инструментарии буржуазной пропаганды.

Заключение

К основным направлениям в философии истории можно отнести следующие: цивилизационный (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ш. Айзенштадт, Б. С. Ерасов, Д. М. Бондаренко,

И. В. Следзевский, С. А. Нефёдов, Г. В. Алексушин и др.); мир-системный (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги, Т. дус Сантус, К. Чейз-Данн, Дж. Абу-Лугод, М. А. Чешков, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин и др.); школа «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич и др.); эстафетно-стадиальный или эстафетно-формационный (Ж. Боден, Л. Леруа, А. р. Ж Тюрго, Г. Б. де Мабли, И. Г. Гердер, Кант, Фихте и др.).

Данные направления были рассмотрены выше.

Вы заметили, сколько фамилий? А всё благодаря соитию, репликации ДНК и, наконец, родовспоможению.

Научный подход, формационный: движущей силой общественного развития выступает та же классовая борьба (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Лабриола и др.).

Научный подход в истории – у Тьери, Гизо, М. А. Барга («Эпохи и идеи»), Б. Поршнева («О начале человеческой истории»).

Формационный подход с критикой сталинистских представлений был исследован в [16].

Можно было бы добавить этнодинамику Леви Стросса и Л. Гумилева (кроме теории пассионарности, не подтверждающейся историей), однако этнодинамика существенна лишь на ранних стадиях развития обществ.

В истории действуют не бильярдные шары, исторический материализм не устраняется от такого фактора истории, как сознание людей, их индивидуальность: «... люди сами делают свою историю, но делают ее не по произволу, а в соответствии с объективными условиями и социальными законами» [17]. Энгельс подчеркивает, что исторические законы реализуются через волю индивидов. Но исторический материализм указывает, что и сознание, и воля людей не являются самостоятельными, они определяются производственными отношениями, которые, в свою очередь, не зависят от их воли. Маркс подчеркивает, что личность есть конкретная совокупность общественных отношений. Индивиды могут действовать не в соответствии с историческим законом, но их «усредненное» действие будет равно нулю.

С другой стороны, общественные законы, в отличие от естественнонаучных, меняются от эпохи к эпохе, законы феодального способа производства меняются на законы капитализма, эта смена происходит путем революций, то есть, общественные законы меняют сами люди. При этом с каждой революцией индивид становится свободнее в своих действиях, а его действия становятся значимее для общества. Немецкий философ Гемпель предлагал рассматривать исторические законы как «законы, имеющих вероятностно-статистическую форму», которые вытекают из регулярности повторения одних и тех же причинно-следственных связей [18].

С ним солидарен Ковальченко: историческая необходимость может реализовываться как вероятностный процесс, как неизбежность и как случайность [19].

То есть, закон истории подобен статистическим законам Гаусса или Больцмана в физике.

Однако история может внезапно отклониться от вероятностного пути, в этом ее законы ближе к законам теории особенностей Уитни и к теории катастроф. Но и эти законы слишком общи, грубы для многообразной истории, стохастические, синергетические закономерности не приложимы к истории, они могут описывать лишь частные моменты.

Любое историческое событие уникально, и его причины и следствия размыты. С другой стороны, законы не выводятся из повторяемости событий в повторяемых ситуациях, но повторяемость – необходимая сторона этого выведения. Повторяемость для большинства исторических событий совсем не очевидна.

Любая наука оперирует абстракциями, устраняющими уникальность феноменов, но для истории уникальность имеет существенный характер. То есть, формализация истории, как это представляет, например, аналитический марксизм, невозможна в принципе.

«Невозможно объяснить индивидуальное событие в смысле учета всех характеристик с помощью универсалистских гипотез, хотя объяснение того, что произошло в определенном месте и в определенный момент времени, может постепенно становиться все более точным и полным»- отмечал Гемпель [20].

В формулировке М. А. Барга социологические законы соотносятся с парой «возможно – невозможно», исторические законы - триплетом «вероятно - маловероятно - невероятно» [21].

Соответственно, в истории действуют *тенденции*, законы же имеют крайне размытый характер и касаются лишь смены формаций в рамках диалектического развития от простого к сложному. Тем не менее, исторический материализм и марксистская политэкономия оказались единственными теориями, имеющими прогностическую ценность. До 1991 года марксисты предсказали 11 польских экономических кризисов, политическую ситуацию в Сомали и Эфиопии в 70-е, победу Дэн Сяопина над Хуа Го Фэном, легализацию элиты КПСС как буржуазной, победу Ельцина над ВС РСФСР, войну в Чечне, распад СССР, провокацию Грузии с нападением на Цхинвали, майдан-2014 и т.д.

Литература

1. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Современные изучения ценностно-смысловой сферы. Социологические науки, 2019. С. 33-40.
2. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2006. С. 31-32.
3. Гегель Г. Соч., М.–Л.: 1929-1959. Т. 8. С. 27.
4. Гегель Г. Соч., М.–Л.: 1929-1959. Т. 8, С. 52.
5. Гегель Г. Лекции по философии истории : пер. с нем. СПб. : Наука, 1993. Кн. 1. С. 9.
6. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история : проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. С. 63-64.
7. Ленин. ПСС. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 345.
8. Гобозов И. А. Гегель и философия истории. Философия и общество. Вып. №4(85). 2017.
9. Русакова О. Ф. Историсофия: толкование предмета и типология. Антиномии. 2002.
10. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб.: 2000. С.11
<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-tolkovaniya-predmeta-i-tipologiya>
11. Арон Р. Введение философию истории.
12. Джинс Дж. Астрономия и космогония.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. II. 1955. С. 353-354.
14. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, 5 изд. Т. 18. С. 137.
15. Ленин. ПСС, 4 изд., Т. 29. С. 289.
16. Ихлов Б. Л. Почему КПСС и КПРФ буржуазные партии. Пермь: 2012.
17. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. С. 130.
18. Гемпель К. Мотивы и «охватывающие законы» в историческом объяснении. Философия и методология истории: сб. ст. / под ред. И. С. Кома. М.: Прогресс. 1977. С. 73.
19. Цит. по: Лаптева А. П. Теория и методология истории. С. 166-168.
20. Гемпель К. Функция общих законов в истории. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 18.
21. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1981.